

дескрипція феномену покликання та обговорення філософських, етичних, педагогічних та інших аспектів його реалізації потребує окремого місця.

Висновки. Ідея покликання присутня у свідомості сучасних українців і сприймається ними як мотивуючий чинник. А сам феномен покликання має складну структуру, яка включає бажання розвивати здібності, досягаючи результатів, що будуть оцінюватися особистістю та іншими людьми як певне благо. Так, наприклад, пам'ятаємо, що один з мотивів стати педагогом – це любов до дітей. Це ще не покликання, але його початок, щоб хотіти розвиватися, набувати знань, практичних навичок, формувати світогляд педагога. У бажанні (схильності) виявляє себе природна (інший скаже «від Бога») потреба чи мета існування людини. Для когось іншого такий початок покликання віра, з якою він сприйме обдарування, знаючи, що лише у добрих справах вони принесуть благі плоди.

Структура феномену покликання **Бажання–Здібності–Реалізація–Благо** для людей релігійних може виглядати як **Віра–Обдарування–Справи–Духовне благо**. Якщо немає якогось одного з цих елементів, не існує й покликання. Мало бути до чогось схильним, потрібна праця для реалізації здібностей і розуміння, яка користь кому й для чого цим твориться. Найважливіше ж те, що структурне ціле виявлених елементів утримується наскрізним, стрижнем мети. Мета є мета–фізичним феноменом. Мета покликання – це й перший поштовх і енергія не зупинитися, і вона ж – те благо, до якого прямує людська діяльність. Пригадується термін Аристотеля «entelecheia», що одночасно означає мету, причину, енергію та смислову повноту буття. На нашу думку, аналіз продуктивності цього античного поняття є перспективним для розробки теми покликання.

Звісно, можливо й по–іншому описати феномен покликання. Однак, у кожному разі покликання – це дар, який ми вільні вберегти й примножити або втратити. Як таке, покликання не може руйнувати. Воно є способом брати участь у творенні, творити у цьому світі. Покликання є апіорі добрим. А його протилежність не зло, а людські лінощі, страхи, пасивність, які можуть бути подолані вірою, любов'ю, мудрістю.

Покликання не є всім у нашому житті. Існують його межі, обрії виявлення, і завжди є ще хтось і щось поза ним. Потрібна етична оцінка покликання. Однак етика, яка мислить у поняттях світу і орієнтована на те, що ми пізнаємо, не охопить всю повноту покликання, яке веде поза межі відомого нам у світі, а тому потребує також і віри. Між етикою та вірою можливі суперечності, але ці два способи піднесення людини над собою тільки тоді справджуються у своїй суті, якщо мають за мету благо, яке поєднує особистісне, суспільне і духовне життя.

Список використаних джерел

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия, Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С.644–735.
2. Вебер М. Протестантська етика і дух капіталізму. – К.: Основи, 1994. – 201 с.
3. Сковорода Григорій. Твори: У 2 т. – К.: АТ «Обереги», 1994. – (Гарвардська б–ка давнього укр. письменства). Т.1. – 528 с.
4. Bigham Jared T., Smith, Samuel J. Called to Teach: Interpreting the Phenomenon of Calling as a Motivating Factor, Liberty University. Faculty Publications and Presentations. Paper 99. 8–2–2008. – P.11.
5. Merton Robert K. Some thoughts on the professions in American society (Address Before The Graduate Convocation Brown University, June 6, 1960). – Brown University Papers Number XXXVII.

References

1. Veber M. Politika kak prizvanie i professija, Nauka kak prizvanie i professija // Veber M. Izbrannye proizvedenija. – M.: Progress, 1990. – S.644–735.
2. Veber M. Protestants'ka etyka i duh kapitalizmu. – K.: Osnovy, 1994. – 201 s.
3. Skovoroda Grygorij. Tvory: U 2 t. – K.: AT «Obereg», 1994. – (Garvards'ka b–ka davn'ogo ukr. pys'menstva). T.1. – 528 s.
4. Bigham Jared T., Smith, Samuel J. Called to Teach: Interpreting the Phenomenon of Calling as a Motivating Factor, Liberty University. Faculty Publications and Presentations. Paper 99. 8–2–2008. – P.11.
5. Merton Robert K. Some thoughts on the professions in American society (Address Before The Graduate Convocation Brown University, June 6, 1960). – Brown University Papers Number XXXVII.

Muliarchuk Ye. I., Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow, G. Skovoroda Institute of Philosophy National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), muliarchuk.yevhen@gmail.com

Calling in the minds of contemporary Ukrainians: individual opinions and the general structure of the phenomenon

Person's calling is an important factor of cultural and social life. It determines non-material motivation intended not only to personal self-actualization, but also to participation in a social life and to achievement of ethical and spiritual values. The aim of the presented research is the estimation of the importance of calling as a factor of a career choice and life meaning attainment of Ukrainian youth. The specific aspect is of its importance for pedagogic education students. The identification of the structure of the phenomenon of calling is also a special aim of the research.

The results of the survey certainly showed the meaningfulness of the idea of calling for the pupils and student youth in Ukraine. As well as the in-depth interviews allowed to reveal the specific of individual understandings of calling and to conclude about the general structure of the phenomenon of calling as a unity of the elements: desire–abilities–realization–social benefit or spiritual value. The research opens the further prospects of the study of the phenomenon of calling.

Keywords: phenomenon of calling, career choice, pedagogic education, non-material motivation, self-actualization, social benefit, spiritual value.

* * *

УДК 141.319.8:27-428-242.6.5

Понеділок А. І.,
здобувач, ст. лаборант кафедри культурології,
Національний юридичний університет імені Ярослава
Мудрого (Україна, Харків), andrey.ponedilok@mail.ru

САМОГУБСТВО ЯК ПРОЯВ САМОРУЙНУВАННЯ ОСОБИСТОСТІ В ФІЛОСОФСЬКО-РЕЛІГІЙНОЇ РЕФЛЕКСІЇ

Даний матеріал, представлений в науковій статті, є частиною наукового дослідження за темою «Саморуйнація особистості як предмет філософсько-антропологічної рефлексії», розкриває актуальну проблему в сучасній культурі – самогубство як саморуйнівний акт і рефлексія наукового світу, соціуму на цей екзистенційний виклик. У статті дається аналіз культурно-історичних уявлень про феномен самогубства в релігійних традиціях різних часів і народів, а також у філософському розумінні. Особлива увага приділяється осуду самогубства (суїциду) християнськими конфесіями, амбівалентним ставленням до нього ісламу і необхідності своєчасно реагувати суспільству і людині на прояви цього зла.

Такий методологічний підхід дає можливість простежити наступність морально-етичної складової ставлення до людського життя, сутності людського буття, зрозуміти деякі загальні причини і витоки явища самогубства, а також актуалізувати і форсувати пошук шляхів подолання зростаючої динаміки самогубств.

Ключові слова: людина; особистість; світогляд; релігійні традиції; самогубство; філософський аналіз.

Современное общество переживает сложные времена трансформации сознания и духа. Этот долгий и во многом неоднозначный процесс усложняется тем, что в конце XX ст. углубилась экологический и духовный кризис, усилилась национальная нетерпимость и вражда, терроризм как мелкокомасштабное и локальное явление охватил практически всю планету; в сверхагрессивной форме происходит борьба между государствами за новые экономические рынки, за стратегические ресурсы; в разы увеличилось количество природных и техногенных катастроф. Это, безусловно, разрушительным образом

воздействует на человека, часто становящегося заложником ситуации.

По словам Э. Дюркгейма «общество пожирает в человеке человеческое. Социоэволюция превращает его в существо, которое тотально зависит от объективной необходимости» [4, с. 40]. Современные ученые продолжают эту мысль: «Розчеловеченный индивид, человек-машина, является продуктом цивилизации, которая разрушила генофонд жизни» [6, с. 18]. Можно предположить, что общество проводит своеобразный эксперимент, открывая в человеке всё новые возможности для применения жестокости и насилия.

В этот ассоциативный ряд логически вписывается актуальный вызов, на который необходимо ответить – распространение самоубийства (суицида). Существует тенденция изменить отношение социума к этому явлению, что идёт в разрез с инстинктивным табуированием личностью подобных актов.

Что же такое «самоубийство», как к нему относилось общество на протяжении всей истории и каковы возможности человека в борьбе с этим злом?

Суицид (самоубийство) – это осознанный акт ухода из жизни, самоустранения под влиянием, как правило, острых психотравмирующих ситуаций, где личная жизнь как самооценność, утрачивает для данного человека смысл. Активное саморазрушительное поведение является глобальной общественной проблемой, поскольку суицид как социальное явление – стойкий статистический факт, который служит индикатором как уровня социальной напряженности и функционирования социальных систем, так и общим моральным состоянием людей. Статистика показывает, что высокий уровень суицида наблюдается, как ни странно, в государствах с высокоразвитой экономикой (например, Венгрия, Швеция, Япония и др.), а также после распада СССР (с 1992 г.) во многих бывших союзных республиках количество самоубийств идёт по возрастающему графику. Так, по официальным данным 1994 года, количество самоубийств в Украине только за один год превысило потери советских вооруженных сил за 8 лет войны в Афганистане [1, с. 331].

В последнее время наблюдается повышенный научный интерес к проблеме самоубийства, как активному проявлению саморазрушения личности, который объясняется реакцией ученых на беспрецедентный рост суицида в мире. По данным ВООЗ ежегодно регистрируется до 600 тыс. суицидов, 1\10 из которых происходит в странах бывшего СССР. В Украине самоубийство занимает 4-5 место среди причин смертности; наблюдается тенденция возрастания этого деструктивного явления, особенно среди молодежи и людей пожилого возраста. Прогнозируется, что к 2020 году список причин смертности в мире возглавят сердечнососудистые заболевания и жестокие депрессии с резким всплеском самоубийств [7, с. 142]. Поэтому актуальным является не только сама проблема самоубийства, но и религиозный аспект анализа саморазрушительного проявления на фоне продолжающегося кризиса духовности и религиозных институтов, как сдерживающих и предупреждающих факторов.

Изучение природы человеческого саморазрушения имеет свою философско-историческую ретроспективу, которая представлена целой гаммой легенд, мифов, эпосов, религиозных воззрений и учений, в которых речь

идёт о сотворении мира, где правят две космические силы – темная и светлая, злая и добрая, деструктивная и конструктивная. Человек (его душа) является ареной противостояния. Акты саморазрушения были известны человечеству с момента возникновения цивилизации и устоявшихся отношений между людьми. Но на ранних стадиях существования человечеству еще не было знакомо сознательное избавление себя от жизни, нанесение себе физических повреждений (членовредительство) из-за каких-либо объективных или субъективных причин; первобытный инстинкт самосохранения играл решающую роль, определял модель поведения, и вообще человек раннесоциальных структур решал иные вопросы своего бытия – расширение своей физической экспансии вокруг – на мир природы и людей. Позже (в эпоху Античности) порочность человека объявлялась моральным злом, присущим ему от рождения, поэтому ни рассудок, ни воля часто не в силах были оказать какого-либо конструктивного влияния на поведение человека. И этот тезис держался довольно долго, объясняя на протяжении длительного культурно-исторического развития мотив самоубийственного поведения.

Например, в Древней Греции самоубийство считалось актом мужества, а в Древнем Риме существовали ритуально-сакральные традиции самоубийства. В Древней Индии традиционно поощрялось, чтобы женщина-вдова добровольно сжигала себя в ритуальном костре, где горел её умерший муж (обряд сати). Иногда вместо жены или вместе с ней в акте самосожжения принимали участие наложницы, родственники и друзья усопшего. В Древней Японии, где честь воина считалась главной добродетелью, ритуальное самоубийство (сепоку) культивировалось как норма, и было обязательным при определённых обстоятельствах (например, когда дальнейшая жизнь, в силу не сохранения жизни хозяина, считалась для самурая жалкой и постыдной). Древние восточные традиции, которые спокойно относятся к акту самоубийства, до сих пор продолжают существовать в некоторых регионах Дальнего Востока, Центральной и Юго-Восточной Азии.

Формирование общественного сознания и отношение к самоубийству происходило также под влиянием религий, которые начали создаваться, начиная с 6 века до н.э. и по 7 век н.э., когда сформировались основные мировые религии (буддизм, христианство и ислам). Это время К. Ясперс назвал «осевым временем», временем формирования нравственного сознания человечества.

И только в эпоху Средневековья моральное зло (которое терминологически еще не было прямым отождествлением самоубийства (суицида) ибо не существовало и определение этого понятия) приобрело персонифицированное значение, выступив в облике антагониста Бога – Дьявола (Антихриста). Отсюда борьба добра и зла была очерчена двумя конкретными границами, внутри которых располагалось человечество. Апологеты христианской веры заранее определили координаты этой борьбы – душа человека как истинная ценность.

Христианство постулирует, что каждый человек имеет в своей душе светлую или темную сторону, божественную или дьявольскую; в мире происходит перманентная, непрерывающаяся борьба Бога и Дьявола. Надо подчеркнуть, что всемогущество христианского Бога не поддавалась сомнению, а нахождение рядом зла выглядело как лакмусовая бумажка для характеристики внутреннего

мира человека, как возможность проявить качества своей души, как возможность совершенствоваться. Любое событие в жизни индивида характеризовалось согласно доминирующей и актуальной на то время доктрине противостояния добра и зла, поэтому каждому человеческому поступку давалась оценка, исходя из регуляторно-догматических норм жизни. И именно поэтому средневековая теоцентрическая концепция мышления отводила человеку второстепенную роль, хотя и не последнюю.

Такие религиозные философы как Августин Блаженный, Фома Аквинский и др. считали, что в человеке изначально заложен первородный грех, заимствованный от несанкционированного Господом Богом поступка Адама и Евы, которые не подчинились и грубо нарушили высшее предписание, и который необходимо было искупить всему роду человеческому. Такая дисгармония Божественного и человеческого мира не позволяла сделать допущение, касающееся окончательного освобождения любого человека от этого первородного греха; сама жизнь уже была грешною, но была конечной и несовершенной, а человек должен был постоянно заниматься сдерживанием желаний, потребностей физического тела, самоограничением, что отвлекало его от искупления грехов. Так, Августин считал, что греховною является даже душа человека, которая будучи заключена в земном теле, вынуждена с помощью глаз, ушей и других органов чувств постигать земные (греховные) красоты [5, с. 146].

Религиозная философская школа второй половины XIX – начала XX вв. по-новому взглянула на проблему саморазрушения, который сформировался в лоне христианского мировоззрения, поэтому главные христианские заповеди стали той обязательной и непреложной истиной для мировоззрения. Представители этой школы Н. Ф. Фёдоров, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьёв, С. Н. Булгаков и др. связывали свои учения с христианской религией и осуждали тягу человека к разрушению, объясняя это тем, что человек отошел от Бога, забыв главный закон человеческого бытия – любовь к Богу, к другим, к себе, к жизни. Религия резко осуждала сознательное избавление себя от жизни, табуировав само обсуждение возможности подобного выхода из жизни. Но для людей тяжесть неразрешённых проблем являлась настолько невыносимой, что большинство были склонны разрешить личные проблемы бескомпромиссным, саморазрушительным путём. И количество таких людей неуклонно возрастало, невзирая на противодействие религиозных и светских институтов. «Русский Сократ» Н.Ф. Фёдоров, считавший основным злом для человека смерть, как проявление слепых сил природы, утверждал, что «надо жить не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а с каждым и для каждого» [8, с. 110].

Бердяевская идея духовной телесности рассматривала личность как сосредоточение индивидуальных духовных сил и сферы свободы, что постоянно испытывает давление со стороны общества, которое стремится поработить её. Он писал, что зло в мире возникает от вседозволенной свободы, которая дается человеку как испытание, посланное Богом. «Бог создал мир, себя проявляет в мире, но не управляет им. Бог необходим как нравственный идеал и надежда на спасение, а Богу нужен человек как грешник, что кается и стремится к божественному идеалу» [2, с.

124]. Субъективное присутствие хаоса в природе человека чувствуется как осознание собственной смертности, страха перед небытием, что заставляет человека искать свою судьбу и своё место в мире, задумываться о смысле жизни. В своей работе «О самоубийстве» Н.А. Бердяев подчеркивал, что «в жизни людей есть опасные телесные точки, в которых сгущается бездна... И эти точки – жизненные кризисные периоды, когда человек ни в чем не видит никакого смысла. А поэтому и ничего не видит привлекательного в своей жизни. Он перестает видеть смысл в жизни, все закрашивается для него в темные тона безнадежной бессмыслицы, все осмысленное вытесняется» [2, с. 8].

Все религиозные институты, оценивая самоубийство во всех его проявлениях, высказались достаточно безапелляционно и категорично. Так, считая человеческое тело греховным сосудом, темницей души, христианство (как западное – католическое и протестантское, так и восточное – православное) решительно осуждает любое вмешательство в промысел божий. То есть, человеческое существование в физическом теле не должно прерываться искусственно, человеком, а только Богом («Бог – дал, Бог – взял»); пребывание души в телесной оболочке необходимо для совершенствования её благодаря добрым поступкам в физическом теле. Иначе говоря, считается, что такой саморазрушительный акт как суицид, как и любое другое проявления зла, приводит к гибели не только тела, но и души.

Анализируя самоубийство, рассмотрим главную христианскую заповедь «Не убий» (Исход, 20:13; Второзаконие 5:17). В духовно-нравственном смысле, требованиями этой Заповеди Господь Бог запрещает отнятие жизни у других людей или у самого себя. Жизнь есть величайший дар Божий, и только Бог назначает ее земные пределы. В этой Заповеди говорится о запрете убийства всякой одушевленной твари и человека. Ветхий Завет напоминает, что Жизнедатель один, и нарушение дарованного им права на жизнь недопустимо: «Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию (Бытие, 9:6). В то же время Писание уточняет: «Не умерщвляй невинного и правого» (Исход, 23:7). Тем самым допускается самозащита и вынужденное уничтожение агрессора. Самоубийство в христианстве понимается как тяжелый страшный грех, кроме убийства как такового, включающего в себя грех отчаяния, маловерия, ропота против Бога и Его промысла. Человек, насильственно оборвавший свою жизнь, лишается покаяния, а значит прощения. Таких людей запрещено отпевать и хоронить на кладбищах, ставить на могиле крест. Они становятся мертвыми изгоями.

С точки зрения некоторых современных отечественных учёных, например В. В. Богдана, рассматривающего функционирование Вселенной в религиозно-юридическом аспекте, заповедь «Не убий!» основана на обеспечении баланса во Вселенной, на том, что лишних элементов в единой системе Мироздания нет [10, с. 93]. И человек в этой системе – системообразующая, активная и полезная для себя, общества, Вселенной и Бога, часть. Без каждого из нас страдает вся система, осложняется её функционирование и управление.

Поэтому при самоуничтожении (самоубийстве), убийстве человек вносит дисгармонию и деструкцию

в макросистему. За всякое убийство (равно как и самоубийство) предусмотрена кара, как за посягательство на единую планетарную безопасность, единые законы управления. Человек в равной мере ответственен перед Богом, как за свою жизнь, так и за жизнь других [3, с. 107].

В восточной религиозной системе (индуизм, буддизм и др.) карма и переселение душ составляют центральную тему. Движущей силой мира является карма – все совершаемые человеком поступки, которые влияют на его последующее перерождение. Карма, как совокупность всех поступков и их последствий, которую человек накопил в своих предыдущих воплощениях на земле, воздействует на механизм расплаты и воздаяния. Поэтому осознанное самоубийство порицается религией в связи с нарушением цикла круговорота кармы и её ухудшением, которую человек обязан отработать в последующей жизни [9, с. 93].

Концепции буддизма и индуизма предлагают человеку избавиться от сансары – колеса перевоплощений, благодаря которым человек оказался в этом мире в образе-форме именно человека. Это колесо задает существам элементы страдания, т.к. прошлые перевоплощения накопили грехи существа и легли на него в виде кармы, но самостоятельно обойти или избавиться от этих грехов нельзя – лишь только достойно пройдя всю свою жизнь от начала до конца можно освободиться от сансары и достичь нирваны (вечного покоя). Вообще, восточные религии (буддизм, индуизм, джайнизм и сикхизм) в принципе осуждают самоубийство человека. Существовало лишь одно исключение – обряд сати. Из-за веры в реинкарнацию смерть расценивалась как привычный составляющий элемент бытия, где сожжение на костре являлось обычной практикой. И только в XIX веке (1829 г.) этот жестокий ритуал был официально запрещен [9, с. 124].

Некоторые восточные религии, например буддизм, а также такие учения как конфуцианство и даосизм признают факт самовольного ухода из жизни и оставляют его на совести того, кто его совершает.

Ислам резко осуждает порочную жизнь, которая ведет человека к страшным мукам бесконечного умирания, хотя и благосклонно относится к самоубийству, если оно происходит в форме самопожертвования ради Аллаха. Мусульманская религия относится к смерти как к естественному явлению, приветствуя её приход, если он осмыслен и преследует цели служения Аллаху. Изучение исламских традиций позволяет установить, что в мусульманских странах еще с детства в сознание закладывается стойкая установка о самоубийстве (пути шахиды) как о великом подвиге во славу Аллаха. Но следует отметить, что феномен шахидства не тождественен феномену самурая или камикадзе. Так, действия японских самурая и камикадзе были связаны с этикой войны по-японски и жертвенностью, духовным освобождением. Шахиды, по сути, совершают своим поступком убийство других людей, выступая, во многом, обезличенным инструментом, поэтому подобный акт не считается в радикальном исламе именно самоубийством, так как оправдан великой целью – служению Аллаху, за что ждали человека почёт и уважение в раю.

Конфуцианская идея гармоничного развития человека и общества усматривает в саморазрушительных действиях индивида угрозу существованию всего общества. Такими разрушительными действиями могут быть не

только самоубийство, но и даже ненависть, жестокость, стремление навредить другому. Каждый человек должен идти путем Дао – истинным путём к гармонии души и тела, человека и общества.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что самоубийство есть антропо-социальный феномен и проблема является актуальной, что требует глубокого общенаучного, а не только философско-религиозного изучения. Мировая религиозная мысль на протяжении долгого культурно-исторического развития выработала собственный взгляд на саморазрушение личности и создала механизм влияния на общественное и индивидуальное сознание человека, чтобы остановить самое страшное в природе человека – процесс самоуничтожения, ухода из жизни, что противоречит основному инстинкту человека – сохранению жизни. Иудейские и христианские заповеди, привнесённые мессиями (Моисей, Христос) придавали бытийную осмысленность, формировали отношение к рождению и смерти, установив строгий запрет на самоубийство. Философская религиозная мысль в лице великих христианских философов также связывала самоубийство с нарушением Божественных законов, которые должен чтить каждый христианин.

Тем не менее, в отличие от христианского религиозного мировоззрения, некоторые восточные религии часто амбивалентно относились к самоубийству, осуждая его в целом, тем не менее, давая человеку право самому решать свою судьбу и нести полную ответственность перед высшими силами. В исламе, как было сказано, сформировался особый, отличный от христианства и других восточных религий взгляд на самоубийство, который в виде института шахидства трактовался как полная реализация любви к Аллаху.

Таким образом, мировая философско-религиозная ретроспекция показывает разнообразие взглядов не только по отношению к самоубийству как к личному, собственному деянию, но и даёт возможность с морально-этических позиций взглянуть на проблему самоубийства человека, как на проблему общечеловеческую, объясняющую будущее нашей цивилизации, а также формирует общую стратегическую позицию – как уберечь человека от подобных действий и дать ему надежду на спасение. А это возможно благодаря формированию собственной нравственно-религиозной позиции, личностного духовного кредо, которое основывается на приоритете общечеловеческих, гуманистических, моральных ценностей и определяет стойкие жизненные ориентиры, в которых тезисы «смысл жизни», «вера в добро», «любовь к людям», «альтруизм», «милосердие», «созидание» и т.д. будут постоянными экзистенциальными составляющими величинами.

Список использованных источников

1. Алексеенко И.Р. Последняя цивилизация? // Человек. Общество. Природа / И.Р. Алексеенко, Л.В. Кейсевич. – К.: Наукова думка, 1997. – 411 с.
2. Бердяев Н.А. О самоубийстве / Н.А. Бердяев. – М.: Изд-во МГУ, 1992.
3. Богдан В.В. Законодательство Вселенной (юридико-религиозный аспект) / В.В. Богдан. – Харьков: Резерв, 2003. – 240 с.
4. Дюркгейм Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности (современные буржуазные теории). – М.: [б. и.], 1966. – С. 39–44.
5. История этических учений. Учебник / Под ред. А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2003. – 911 с.

6. Кууси П. Этот человеческий мир / П. Кууси. – М.: Прогресс, 1988. – 368 с.

7. Понеділок А.І. Історико-філософські підвалини проблеми саморуйнації людини / А.І. Понеділок // Вісник Нац. юрид. академії України імені Ярослава Мудрого. Серія «Філософія, філософія права, політологія, соціологія». – Харків: Право, 2012. – Вип. 3 (13). – С. 102 – 112.

8. Федоров Н.Ф. Сочинения / Н.Ф. Федоров. – М.: Мысль, 1982. – 711 с.

9. Фишер А. Религии мира. История и святыни / А. Фишер: пер. с нем. Л. Проценко. – М.: Изд. Группа «Контэнт», 2010. – 176 с.

10. Шушляпин О.И. Новое междисциплинарное знание на стыках форм человеческого опыта в контексте сознания, мышления и духовности // Проблемы та перспективи формування національної гуманітарно-технічної еліти. Зб. наук. праць. – 2010. – Вип. 26 (30). – Харків, НТУ «ХПІ», 2010. – 348 с. – С. 92 – 103.

References

1. Alekseenko I.R. Poslednyaya tsivilizatsiya? // Chelovek. Obschestvo. Priroda / I.R. Alekseenko, L.V. Keysevich. – K.: Naukova dumka, 1997. – 411 s.

2. Berdyayev N.A. O samoubiystve / N.A. Berdyayev. – M.: Izd-vo MGU, 1992.

3. Bogdan V.V. Zakonodatelstvo Vselenny (yuridiko-religioznyy aspekt) / V.V. Bogdan. – Kharkov: Rezerv, 2003. – 240 s.

4. Dyurkgeym E. Norma i patologiya / E. Dyurkgeym // Sotsiologiya prestupnosti (sovremennyye burzhuaznye teorii). – M.: [b.i.], 1966. – S. 39–44.

5. Istoriya eticheskikh ucheniy. Uchebnik / Pod red. A. A. Guseynova. – M.: Gardariki, 2003. – 911 s.

6. Kuusi P. Etot chelovecheskiy mir / P. Kuusi. – M.: Progress, 1988. – 368 s.

7. Ponedilok A.I. Istoriko-filosofski pidvalini problemi samoruyynatsii lyudini / A.I. Ponedilok // Visnik Nats. yurid. akademii Ukraini imeni Yaroslava Mudrogo. Seriya «Filosofiya, filosofiya prava, politologiya, sotsiologiya». – Kharkiv: Pravo, 2012. – Vip. 3 (13). – S. 102 – 112.

8. Fedorov N.F. Sochineniya / N.F. Fedorov. – M.: Mysl, 1982. – 711 s.

9. Fisher A. Religii mira. Istoriya i svyatyni / A. Fisher: per. s nem. L. Protsenko. – M.: Izd. Gruppya «Kontent», 2010. – 176 s.

10. Shushlyapin O.I. Novoe mezhdistsiplinarnoe znanie na stykakh form chelovecheskogo opyta v kontekste soznaniya, myshleniya i dukhovnosti // Problemy ta perspektivi formuvannya natsionalnoi humanitarno-tekhnichnoi eliti. Zb. nauk. prats. – 2010. – Vip. 26 (30). – Kharkiv, NTU «KhPI», 2010. – 348 s. – S. 92 – 103.

Ponedilok A. I., Competitor, Senior laboratory assistant of the department of Cultural Studies of the Yaroslav the Wise National Law University, (Ukraine, Kharkiv), andrey.ponedilok@mail.ru

Suicide as a manifestation of self-destruction of a person in philosophical and religious reflection

This material, presented in a scientific article, is part of a scientific study on the topic "Self-Destruction of the Person as an Object of Philosophical Anthropological Reflection", reveals the actual problem in modern culture – suicide as a self-destructive act and the reflection of the scientific world, society on this existential challenge. The article provides an analysis of cultural and historical views on the phenomenon of suicide in religious traditions of different times and peoples, as well as in the philosophical view. Particular attention is paid to the condemnation of suicide by Christian denominations, the ambivalent attitude of Islam towards him and the need to react in a timely manner to society and man for the manifestation of this evil.

Such a methodological approach makes it possible to trace the continuity of the moral and ethical component of the attitude to human life, the essence of human existence, to understand some common causes and origins of the phenomenon of suicide, and to actualize and boost the search for ways to overcome the growing dynamics of suicides.

Keywords: man; Personality; World outlook; Religious traditions; suicide; Philosophical analysis.

***

УДК 261.7

Райчинець А. В.,
пошукач кафедри культурології, Національний
педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова
(Україна, Київ), info@ukrbs.org

ІСЛАМСЬКА ТЕОЛОГІЯ НА ШЛЯХУ ДО ЕКУМЕНІЧНОЇ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Досліджується розвиток екуменічних тенденцій в сучасній мусульманській теології. Ісмаїл аль-Фаруджі був першим ісламським теологом, який свідомо розвивав теоретичні засади діалогу з християнством та юдаїзмом. При цьому іслам був представлений як мета-релігія, що є універсальним цілим, в якому інші монотеїстичні релігії мають віднайти власну повноту. Сучасні ісламські мислителі Ф. Рахман, М. Аркун, Абу Заїд розвивають екуменічну герменевтику, лібералізуючи традиційне уявлення про нествореність Корану. А саме, Коран нестворений у своїй основі, при усній передачі через Мухаммеда і перше покоління мусульман. Цінності та принципи, сповіщені у цьому Корані – абсолютні. Елементи відносності з'являються при записі Корану та його інтерпретаціях. Ця методологія дозволяє віднести до ядра ісламу лише гуманістичні цінності та принципи, а мову агресії вважати привнесеною людським елементом при творенні Корану.

Ключові слова: іслам, християнство, теологія, екуменізм, міжрелігійний діалог.

Мусульмано-християнський міжрелігійний і богословський діалог, як практично безперервний процес, розпочався із двох засідань Постійного комітету мусульмано-християнського співробітництва, що відбулися у 1954 і 1956 роках у Баламанді (Ліван). Інтенсивність діалогу значно зросла в кінці 1960-х внаслідок активності Римо-Католицької церкви. Ця активність була спричинена рішеннями Другого Ватиканського собору про можливість спасіння віруючих інших релігій та вірних інших церков. Інтенсивність контактів значно зменшилася внаслідок громадянської війни у Лівані, воєн у Перській затоці, Боснії та Афганістані. Довіра мусульман до Заходу значно підупала, і це негативно вплинуло на розвиток діалогу. Сьогодні існує можливість для оновлення діалогу, пов'язана із розвитком ісламської теології.

Дослідження мусульмано-християнського діалогу відбувалося переважно у ключі політологічних дискусій про можливість лібералізації ісламу. Саме такі розмірковування є провідними у працях Г. Кюнга, Жака Ваарденбурга, Шеріл Бенард, Джона Еспозіто і Джона Фолл. На нашу думку, більше шансів на розвиток має позиція поміркованого ісламу, що визнає цінність діалогу і толерантності без переймання ідеалів лібералізму.

Метою дослідження є аналіз розвитку ісламської «теології діалогу» як пошуку спільного з іншими монотеїстичними релігіями.

Першим видатним теологом, який брав активну участь в мусульмано-християнському діалозі став палестинський мислитель Ісмаїл аль-Фаруджі (1921–1986), який був «сучасним мусульманським піонером у міжнародних екуменічних зустрічах. З часу публікації його «Християнської етики» у 1967 році до його «Трилогії про авраамічні віри», він продемонстрував свою незмінну зацікавленість і прихильність до міжрелігійного діалогу. Він був головною силою в діалозі ісламу з іншими світовими релігіями. В 1970-ті він зарекомендував себе в якості провідного спікера ісламу. ... Його праці, промови, а також участь і провідна роль у міжрелігійних зустрічах і організаціях під егідою Всесвітньої Ради Церков, Національної ради церков, Ватикану, і міжконфесійного колоквіуму миру (віце-президентом якого він був з 1977 по 1982) зробили помітним і плідним його